

АЮМИ
ОНО

ОСТАНКИ

РОМАН О ПРОКЛЯТОЙ ЗЕМЛЕ

«Похоже, издалека
доносился приглушенный
шепот множества голосов,
изливавших обиду...

Но однажды ночью он увидел
у своей кровати черный
силуэт, который бормотал
что-то себе под нос».

Аюми Оно

Останки. Роман о проклятой земле

«Алисторус»

2026

УДК 821.521-312.2
ББК 84(5Япо)-44.2

Оно А.

Останки. Роман о проклятой земле / А. Оно — «Алисторус»,
2026

ISBN 978-5-00269-705-2

Писатель получает письмо от читательницы: в ее новой квартире раздается странный звук – она слышит будто кто-то водит метлой по татами. Одиноким шорох приводит к цепи событий, уходящей вглубь на целое столетие. Самоубийства, человеческие жертвоприношения, заброшенные дома и «зараженная» земля. Что если странность не привязана к комнате – она живет в самом месте? Японский хоррор-детектив о том, что прошлое никогда не уходит.

УДК 821.521-312.2
ББК 84(5Япо)-44.2

ISBN 978-5-00269-705-2

© Оно А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Глава первая. Начало	6
Глава вторая. Начало века	11
Глава третья. Прошлый век	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оно Аюми
Останки
Роман о проклятой земле

© Оно А., 2026

© Землянова В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая. Начало

Всё началось с письма, которое пришло ко мне в конце 2001 года.

По профессии я писатель, зарабатываю на жизнь сочинением романов. В последнее время я пишу и для взрослой аудитории, но основным моим жанром остаются лайт-новеллы, ведь начинал я с девичьих романов. Давным-давно я выпустил серию книг ужасов в библиотечной серии, ориентированной в основном на школьников младших и средних классов.

Авторы той серии были обязаны помещать в конце каждой книги «послесловие» – обращение к читателям, призванное вызвать у них чувство близости к автору. Это было очень непростое испытание для душевных сил. В своих послесловиях я просил читателей рассказывать мне страшные истории, которые они знают – и это было двадцать лет назад.

Однако та серия давно исчезла с полок книжных магазинов, а до этого я, воспользовавшись случаем, попросил издательство убрать бесполезные «послесловия», так что они сохранились только в самых старых изданиях. Тем не менее, время от времени я всё же получал письма от читателей, отвечавших на ту мою давнюю просьбу.

Таким было и это письмо. Читательница купила ту самую серию в букинистическом магазине и написала мне о странном явлении, с которым столкнулась.

Автором письма оказалась женщина за тридцать, назовём её госпожой Кубо.

Она работала внештатным редактором в одном из токийских издательств и как раз переехала в съёмную квартиру в пригороде столицы.

Госпожа Кубо писала, что в её квартире что-то есть.

Она переехала в новое жильё в ноябре 2001 года, а к декабрю наконец разобрала вещи в своей однушке, привыкла к новой жизни и смогла спокойно заниматься работой, принесённой из дома. Поэтому, полагает она, первый раз она услышала этот звук именно тогда.

Возвращаясь домой, она обычно принималась за работу глубокой ночью. Сидя за письменным столом в гостиной, она набирала текст на компьютере, расшифровывая аудиозаписи и превращая их в статьи, – и тут за спиной внезапно раздавался тихий звук: «шу-у».

Звук был сухой, словно что-то скользило по поверхности татами.

Госпожа Кубо обернулась. Прямо за её спиной находилась японская комната, которую она использовала как спальню. Хотя их разделяли две раздвижные двери, она никогда их не закрывала и всегда сидела спиной к проёму.

Что это был за звук?

Она внимательно оглядела комнату, сидя в кресле, но не заметила ничего такого, что могло бы издавать звуки.

«Наверное, показалось», – подумала она и снова повернулась к столу, но вскоре тот же звук повторился.

Тихое «шу-у».

Сначала госпоже Кубо вспомнился звук метлы, которой подметали пол в её старом доме. Это было похоже на то, как метла легко скользит по татами, а если не метла, то на звук ладони, быстро проведённой по поверхности татами.

Но госпожа Кубо жила одна, и в комнате за спиной никого не было. Естественно, не могло быть и звуков. Она оборачивалась несколько раз, но так и не смогла найти источник звука – лишь убедилась, что он доносится именно из той комнаты.

Хотя это было странно, госпожа Кубо не придавала этому особого значения. В помещении всегда слышны самые разные звуки, особенно в многоквартирных домах, где шум от соседей порой проникает в уши самым неожиданным образом.

Однако с тех пор, стоило ей начать работать в гостиной, она слышала тот же звук; обернувшись, она не находила ничего, что могло бы его издавать; если же она неотрывно смотрела

на комнату, звук не повторялся; но стоило ей отвернуться – и из-за спины вновь доносилось тихое «шу-у». Если не оборачиваться, а просто наострить уши, можно было уловить, как звук медленно перемещается справа налево, слева направо, всё в одном и том же месте – словно что-то ходило туда-сюда по татами.

«Такое ощущение, будто кто-то тайком подметает», – говорила госпожа Кубо.

Звук был медленным, осторожным, словно кто-то боялся быть замеченным; он создавал впечатление, будто усталый человек вяло водит метлой. И при этом место «уборки» ни разу не менялось – всё время один и тот же участок.

В тёмной комнате некто невидимый безвольно машет метлой!

Когда эта картина возникла у неё в голове, госпоже Кубо стало наконец не по себе.

«Не может быть, – подумала она. – Должно быть что-то, что издаёт этот звук».

Она обыскала всю квартиру, но не нашла ничего, что могло бы оказаться источником звука. На всякий случай она проверила всё: от гостиной до кухни, от умывальника до ванной и туалета, – но так и не обнаружила того, что издавало бы «звук скольжения по татами». И самое непонятное для госпожи Кубо было то, что звук исчезал, стоило ей посмотреть в ту сторону.

«А что, если это какой-то ненормальный звук?» – подумала она.

Она попробовала оставить свет в комнате включённым на всю ночь. Тогда даже во время работы в мониторе компьютера отражалась комната за спиной. Она надеялась, что, когда раздастся звук, она увидит что-то в отражении. Но даже так, стоило ей посмотреть на комнату в мониторе, звук не раздавался; а когда она слышала «шу-у» и переводила взгляд на экран, звук тотчас прекращался.

К счастью, звук был тихим, и если включить музыку, его не было слышно; к тому же госпожа Кубо считала его несущественным и твёрдо решила не обращать внимания. Однако звук возникал именно в те мгновения тишины, когда он был особенно заметен, и это было невыносимо – она невольно настораживалась и прислушивалась.

Сколько бы она ни вслушивалась, звук всегда походил на то, как кто-то подметает татами, или проводит по ним чем-то, или гладит поверхность; ещё это походило на звук волочения ног или чего-то тяжёлого. Если бы это были шаги, промежутки между ними были бы слишком велики, к тому же ритм был слишком равномерным для скольжения или поглаживания – повторяющийся звук казался почти механическим.

– Всё-таки больше всего это похоже на то, как кто-то безвольно метёт пол.

«Наверное, это какая-то уставшая от жизни, опустошённая женщина подметает в тёмной комнате; но мысли её далеко, и она просто механически водит метлой, занятая чем-то другим».

– Как только эта мысль пришла мне в голову, она уже не отпускала меня, – я словно видел перед собой горькую улыбку госпожи Кубо. – Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это, наверное, была просто ассоциация с подметанием. Мне всё чудилась какая-то сгорбленная женщина средних лет, уставшая от жизни, которая без усталости мела и мела пол.

Эта женщина никогда не меняла места уборки – она подметала одно и то же место.

Мне казалось, что она чем-то больна.

– По сути, на этом всё и закончилось, – сказала госпожа Кубо. – Я просто дала волю воображению и сама себя напугала.

Но, несмотря на это, она не могла успокоиться и сфотографировала комнату. На одном из снимков проявились две маленькие светящиеся точки – уж не пресловутые ли это «орбы» (энергетические шары)? Под «орбами» обычно понимают проявления сверхъестественной энергии или духов в виде света. Значит, в комнате и правда что-то было?

К письму госпожи Кубо прилагалась распечатанная фотография комнаты.

На снимке была видна невысокая кровать, а у изголовья – несколько маленьких этажерок, заменявших журнальный столик; в тени над ними слабо мерцали два белых пятнышка – одно маленькое и чёткое, другое побольше и более размытое.

Судя по фактуре снимка, он был сделан ночью со вспышкой. Скорее всего, эти пятнышки были не чем иным, как отражением вспышки от пылинок в воздухе.

Я вообще считаю, что так называемые «орбы» в большинстве случаев – это просто пыль или капли воды. Я примерно так и написал в ответном письме, добавив это между прочим.

Я пишу романы ужасов по своему интересу, но у меня совершенно нет «способностей к паранормальному». Я никогда не видел призраков и не обладаю экстрасенсорным восприятием, поэтому всегда отношусь к существованию духов и сверхъестественных явлений со скепсисом. Я не отрицаю их полностью, но прежде чем поверить, всегда стараюсь найти рациональное объяснение.

Я понимал, что моё объяснение, наверное, слишком приземлённое, и мне было немного неловко перед госпожой Кубо, но она, похоже, не придавала этому значения. Через некоторое время она прислала ответ с довольно беззаботным тоном: «Ах, вот оно что?» – писала она бодро. – «Благодаря вам я могу не переезжать».

Однако странный звук никуда не делся. Хотя она постепенно привыкла к нему, иногда ей всё же становилось немного не по себе, и она задумывалась: «Что же это за звук?»

Звук производил впечатление повторяющегося движения вправо-влево – возможно, из-за того, что его громкость то усиливалась, то ослабевала? У вытяжного вентилятора, например, сила потока может меняться. Я добавил эти размышления в ответное письмо просто для поддержания разговора.

– Но даже когда вентилятор не работает, звук всё равно есть, – ответила госпожа Кубо. – Однако я всё же провела эксперимент.

Она, видимо, проверяла, появляется ли «звук» в зависимости от того, включён или выключен вентилятор в комнате. Она ведь зарабатывала на жизнь текстами, и её описание эксперимента было для меня очень занимательным чтением.

Впоследствии, когда госпоже Кубо что-то вспоминалось, она присылала мне записи своих экспериментов со «звуком». Например, появляется ли звук, если читать книгу лицом к спальне; слышно ли его, если закрыть раздвижные двери; что произойдёт, если отключить электричество? И так далее.

Но госпожа Кубо не была постоянно озабочена этим звуком – в основном наша переписка (позже мы перешли на электронную почту) касалась разных мелочей о фильмах ужасов. Просто иногда она вдруг вспоминала о «звуке» и рассказывала, какой очередной маленький эксперимент провела.

Однако всё изменилось.

Весной 2002 года госпожа Кубо прислала мне письмо с темой: «А это что?».

В тот день она, как обычно, работала дома. Глубокой ночью за спиной снова раздался звук. «Опять», – подумала она и, не оборачиваясь, продолжила работу. Она позволила этому звуку скольжения по татами вправо-влево длиться дальше. Она поглядывала на монитор компьютера, не отразится ли там что-то, но комната была погружена в полную темноту, и ничего не было видно. Звук раздавался справа – «шу-у», пауза, затем слева – «шу-у», и снова пауза. Так повторялось с удивительной регулярностью. Некоторое время госпожа Кубо прислушивалась к этому, а затем внезапно обернулась. Звук тотчас прекратился, но в тот самый миг, перед тем как он затих, она что-то увидела на татами в комнате.

– Это выглядело как ровный кусок ткани... Мне показалось, что это был пояс от кимоно.

В комнате было темно, и только свет из гостиной падал на татами у входа. Что-то плоское, похожее на ткань, скользило по татами, протянувшись от освещённого места в темноту. На белой ткани был вышит тонкий узор серебряными или белыми нитями.

Неужели тем, что издавало звук за спиной, был этот пояс? Если это был пояс, то должен был существовать и человек, который его носит. Однако ничто не указывало на то, что кто-то раскачивает пояс. Госпожа Кубо не чувствовала ни присутствия человека, ни звуков шагов

или шуршания одежды. Звук был гораздо более механическим, и картина, которая рисовалась в её воображении, была такой:

В темноте свисающий вниз пояс раскачивается из стороны в сторону.

«Возможно, мне показалось», – думала госпожа Кубо, сохраняя хладнокровие, но на душе у неё было очень беспокойно. Она говорила, что с тех пор, слыша этот звук, она никогда не оборачивается – ей неприятно случайно увидеть что-то странное. И она всегда закрывала двери в комнату. Заперев комнату, она почувствовала, что теперь ей страшно входить туда, словно нарушая какую-то печать, и спать на кровати стало неприятно. Поэтому в одном из следующих писем она написала: «В последнее время я сплю в гостиной, на полу».

Госпожа Кубо превратила комнату в кладовку, а кровать перенесла в гостиную. К тому же, если закрыть раздвижные двери, звука не было слышно, так что она жила в таком режиме. Если к ней приходили друзья, она предлагала им переночевать в комнате, но никто не сталкивался ни с чем странным.

Читая отчёты госпожи Кубо, я всё время чувствовал какой-то странный осадок – мне казалось, что я уже где-то читал или слышал о чём-то подобном: о том, как свисает что-то, раскачивается и издаёт звуки. Это был распространённый сюжет, но мне казалось, что я читал или слышал это где-то конкретно. Я перерыл различные сборники рассказов о сверхъестественном; находились похожие истории, но ни одна из них не совпадала с моим воспоминанием.

«Где же я это видел?» – этот вопрос не давал мне покоя.

Как раз когда госпожа Кубо начала жить, используя комнату как кладовку, я как раз подумывал о переезде.

Хотя до настоящего переезда оставался ещё год или два, я решил постепенно разобрать вещи. Особенно много у меня было книг и бумаг – если не разбирать их постепенно, я бы даже не знал, сколько места понадобится в новом доме.

Как только я начал небрежно разбирать свои вещи, я столкнулся с огромным количеством картонных коробок. В них были сложены письма читателей, таких как госпожа Кубо, с рассказами о странных явлениях. Я не собирался их выбрасывать и планировал взять их с собой на новое место, но, оставшись в коробках, они были бесполезны и никогда не увидели бы свет, поэтому я решил их как следует разобрать.

Я начал сортировать письма из коробок, готовясь к переезду. Я доставал из конвертов письма и открытки, раскладывал их, затем прикалывал к конвертам и, чтобы понять содержание, ставил на каждом конверте пометку.

Читатели присылали самые разные «истории о странных явлениях».

Были и рассказы о реальных переживаниях самих читателей или их друзей и родственников; были городские легенды, которые они слышали от знакомых; были и школьные легенды о семи тайнах, вроде «Ханако из туалета»; были истории, услышанные по телевизору или радио; а были и такие, что сами походили на романы ужасов – например, рассказы об изгнании духов или о том, как люди узнавали тайны мира духов.

Когда я раскладывал письма по категориям в соответствии с пометками, я вдруг заметил кое-что. Среди писем последних лет я нашёл одно с тем же адресом, что и у госпожи Кубо. На конверте не было названия дома, а сразу после номера квартала стоял номер квартиры – 401.

Хотя госпожа Кубо жила в квартире 204, номер квартала у них был совершенно одинаковым.

Решив называть эту отправительницу госпожой Ясима, я прочитал её письмо.

Госпоже Ясима было почти тридцать, и у неё был ребёнок. Около полугода назад она переехала в нынешнюю квартиру, и с тех пор поведение её двухлетней дочери стало несколько странным. Девочка часто смотрела в пустоту, где ничего не было. Когда мать спрашивала, что она там видит, дочь, ещё не умеющая толком говорить, отвечала: «Качели».

Если собрать воедино слова девочки – или, скорее, обрывки фраз – выходило, что она видит что-то, свисающее с потолка и раскачивающееся. Госпожа Ясима писала, что иногда она слышит звук «шу-у», похожий на то, как что-то скользит по полу, и, возможно, это исходит от того самого «чего-то».

Не поэтому ли мне всё казалось знакомым?

Не столкнулись ли госпожа Кубо и госпожа Ясима с одним и тем же явлением?

И если это так, то почему у них разные номера квартир?

На письме госпожи Ясима стоял почтовый штемпель – июль 1999 года. В мае 2002 года я отправил электронное письмо госпоже Кубо.

«Не знаете ли вы жильца из квартиры 401? Кажется, госпожу Ясима?»

Глава вторая. Начало века

Квартира 204 в доме Окатани

Квартира, в которой жила госпожа Кубо, носила модное ныне трудноопределимое по национальной принадлежности имя, но здесь мы будем называть её просто домом Окатани. Госпожа Кубо нашла эту квартиру через риэлторское агентство в центре Токио.

Она работала внештатным редактором в издательстве, специализируясь на корпоративных журналах и рекламных изданиях. Она выезжала на места вместе с режиссёрами и фотографами, собирала материал, а затем писала статьи.

Содержание интервью и способ его подачи в тексте – дело режиссёра; переговоры с клиентами, сбор материала и сами интервью – тоже его ответственность; госпожа Кубо же сопровождала режиссёра на место, вела записи и расшифровывала аудиозаписи. Поэтому у неё был ненормированный рабочий день. Она часто получала задание и сразу же выезжала на место, а после работы возвращалась домой, так что привыкла брать работу с собой.

Раньше госпожа Кубо жила в центре Токио, недалеко от офиса, но, освоившись с работой, она поняла, что не обязательно жить в центре с его дорогой арендой – если транспортное сообщение удобное, можно жить и подальше.

Проекты агентства заключались на основе контрактов с компаниями, поэтому объём работы изначально был не таким большим, чтобы приходилось разъезжать по разным местам. С ухудшением экономической ситуации объём работ ещё больше сократился, а поскольку зарплата госпожи Кубо зависела от результата, её доход уменьшился, и она захотела снизить расходы на жильё. К тому же она хотела перемен, поэтому решила переехать.

Она не настаивала на каком-то конкретном месте, а просто купила в круглосуточном магазине журнал с объявлениями об аренде и наугад выбрала приглянувшуюся студию. Она связалась с агентом по поводу понравившейся квартиры, но её уже сняли – такое случается часто, и ей тут же предложили другую, точно такую же, но на два этажа ниже.

Госпожа Кубо осмотрела квартиру в выходной день.

– Квартира на два этажа ниже была дешевле, – рассказывала она, – но из-за соседнего дома там было очень темно.

В предыдущем месте у госпожи Кубо тоже было плохое освещение – солнечный свет почти не проникал, из окон не тянуло, зато шум проникал отлично. Раньше она возвращалась домой только чтобы переночевать, поэтому на первое место ставила арендную плату и время на дорогу. Но теперь она хотела жить более размеренно и найти спокойное место для работы.

– Я сказала об этом агенту, он предложил несколько вариантов, и одним из них оказалась моя нынешняя квартира.

Тот дом – дом Окатани – находился в обычном городе-спутнике в пригороде столицы. Перед станцией шумел оживлённый торговый центр, были и крупные торговые комплексы, а если пройти от станции подальше, открывался район малоэтажной застройки на ровной земле. Дом Окатани стоял в тихом жилом квартале в пятнадцати минутах ходьбы от станции, на улице с оживлённым движением. Это было небольшое четырёхэтажное железобетонное здание восьмилетней давности, по пять квартир на каждом этаже.

Агент предложил госпоже Кубо квартиру-студию на втором этаже – 1LDK.

Гостиная была чуть больше четырёх с половиной татами – маловато, но внутри была отдельная кухня с небольшой барной стойкой, а также трёхтатаминая комната в японском стиле, ванная, умывальник и туалет. Сама квартира выходила на восток, поэтому освещённость

нельзя было назвать отличной, а второй этаж не давал особого вида, зато гостиная и японская комната выходили на балкон, так что днём можно было не включать свет. Кухня и умывальник, выходящие на общую дорогу, также имели вентиляционные окна, обеспечивающие хорошую циркуляцию воздуха. Вокруг было много частных домов, и атмосфера царила тихая. Хотя до станции было далеко, до удобного пересадочного узла можно было доехать на электричке за две остановки. Хотя это была не та квартира, которую она сначала присмотрела в журнале – без автоматического замка, с меньшей площадью и на три года старше, – зато транспорт был удобный, а аренда немного дешевле.

Когда госпожа Кубо осматривала квартиру, предыдущий жилец только что съехал, и внутри ещё не сделали косметический ремонт. Но видно было, что жилец обращался с квартирой аккуратно – повреждений почти не было, да и само здание выглядело новее, чем она представляла по планировке.

– Квартиру почистит профессиональная клининговая компания, так что обои и бумажные раздвижные двери заменят, и при сдаче она будет как новая, – сказал риэлтор.

Госпожа Кубо кивнула и внимательно осмотрела каждый угол, а затем, делая вид, что просто осматривается, проверила встроенные шкафы и обувную полку – она искала, не наклеены ли там какие-нибудь защитные талисманы.

Она не подозревала, что здесь может быть что-то необычное, и не чувствовала никакого странного присутствия. Если честно, – улыбнулась она, поясняя, – я очень люблю всё сверхъестественное. Даже в гостиницах она проверяла, не наклеено ли что-то за висящими картинами, но не из страха, а скорее из любопытства.

– Я не совсем не верю во всё это.

Госпожа Кубо не отрицала полностью существование призраков или паранормальных явлений. Она сама чувствовала что-то, когда умерла её бабушка, и во время поездок видела странные вещи. Однако, когда её спрашивали: «Верите ли вы, что это существует?» – она относилась к этому скептически. То, что она почувствовала при смерти бабушки, могло быть случайностью; а фигура сотрудника, исчезнувшего в пустой купальне, могла быть просто ошибкой зрения.

– Это случилось в одном курортном местечке.

Госпожа Кубо отправилась в большую общественную баню гостиницы поздно ночью вместе с подругой. Вдруг они заметили впереди по коридору мужчину в куртке-хаппи. Коридор был длинным, широким и довольно тёмным, к тому же между ними и мужчиной было приличное расстояние, так что разглядеть его было трудно. Однако на его куртке был вышит логотип гостиницы, поэтому госпожа Кубо решила, что это сотрудник. Ничего подозрительного в нём не было, она просто подумала: «Впереди кто-то идёт».

Мужчина, ссутулившись, шёл впереди госпожи Кубо и её подруги, и когда они подошли к купальне, он свернул в женскую баню. Он вошёл настолько естественно, что госпожа Кубо решила, что общественная баня уже закрыта, хотя в описании гостиницы было сказано, что она работает круглосуточно. Она сказала об этом подруге, и они подошли к женской бане, но, к своему удивлению, обнаружили, что она работает в обычном режиме. Они заглянули в раздевалку, но не увидели ни одного сотрудника; более того, в самой бане и в открытой купальне снаружи никого не было.

Подруга госпожи Кубо пришла в восторг, решив, что это был призрак, и госпожа Кубо тоже поддалась этому настроению. Но, поразмыслив позже, она усомнилась: действительно ли это был призрак? Может быть, где-то был потайной ход для персонала, и тот мужчина просто зашёл в женскую баню по делам и вышел через этот ход. А может, никто и не заходил, а они просто ошиблись.

Госпожа Кубо была из тех, кто так и думает.

Поэтому, даже когда она искала талисманы, она не надеялась их найти; к тому же, если бы она их нашла, это было бы неприятно, но она никогда не находила ничего подобного – иначе это не соответствовало бы её ожиданиям.

– На самом деле мне нравится щекотать нервы мыслью: «А что, если это правда есть?» – говорила госпожа Кубо. – Я в это не очень-то верю.

К счастью или к несчастью, в квартире, предложенной агентом, не было талисманов, она была светлой и имела неплохую планировку, только гостиная была маловата: если поставить письменный стол, обеденный стол уже не помещался. Это было единственное, что её смущало, но с учётом арендной платы приходилось мириться. Если и были ещё заботы, то этот дом в основном сдавался семьям, и в других квартирах могли быть дети. Она собиралась работать из дома, и шум детей мог бы раздражать; а если из-за этого возникнут конфликты, будет ещё хуже.

Поэтому она какое-то время просто понаблюдала: за окнами иногда доносились детские голоса, но они не были настолько громкими, чтобы беспокоить. Квартира сверху тоже была тихой. По словам агента, на верхнем этаже жил холостяк, так что шума ожидать не приходилось.

Вспоминая, госпожа Кубо не помнила, чтобы агент особенно нахваливал это жильё, и по сравнению с другими квартирами арендная плата не была особенно низкой; несмотря на некоторые недостатки, цена была в пределах разумного; судя по возрасту здания, оно содержалось в хорошем состоянии, вход и общие коридоры были ухожены и чисто выметены. Поэтому госпоже Кубо дом в целом понравился.

Она подписала договор аренды в конце октября 2001 года и переехала через две недели.

Как и говорил агент, внутри всё было отремонтировано, как в новом доме.

Судя по всему, госпожа Кубо подходила к выбору жилья очень спокойно, и в процессе аренды не было ничего неестественного или подозрительного. Всё было очень обычно, как у всех.

– Когда я действительно переехала, оказалось даже лучше, чем я думала. Дети, конечно, есть, но они совсем не шумят. К тому же днём всё спокойно, а детские голоса даже добавляют уюта, создают ощущение, что вокруг светло и живо.

Дом был ориентирован на семьи, поэтому кухонное оборудование было довольно хорошим. Госпожа Кубо как раз планировала с переездом начать более «обычную» жизнь и хотела проявить себя в кулинарии.

Хотя первые дни после переезда прошли в суматохе, к началу декабря она уже всё разобрала и смогла наконец спокойно работать дома. Однако именно в этой новой жизни, без всякой видимой причины, в неё вторглось нечто чужеродное.

Из японской комнаты за спиной донёсся звук, словно что-то скользило по татами.

Госпожа Кубо не могла вспомнить, когда именно впервые услышала этот звук. Впервые она осознала: «Что это?» – когда жизнь уже вошла в колею, но она чувствовала, что и до этого у неё возникало ощущение: «А?» – просто она не обращала внимания и пропускала мимо ушей. А потом, в один прекрасный день, она внезапно забеспокоилась.

– Иногда слышится этот звук... что это?

Она оборачивалась, но не находила ничего, что могло бы его издавать.

Сначала она просто думала: «Что бы это могло быть?» – но стоило ей забеспокоиться, как она тотчас начинала отчётливо слышать звук при каждом его появлении.

Госпожа Кубо работала над расшифровкой аудиозаписей в наушниках – тогда она не обращала внимания на звук; но как только она снимала наушники и принималась писать, она не могла его игнорировать. Как только она начинала переживать, она пыталась найти причину звука, но сколько ни искала – не находила. К тому же звук не возникал, если госпожа Кубо находилась в комнате или смотрела на неё.

Звук, который мгновенно прекращался, стоило ей обернуться, но когда она не оборачивалась или просто настораживалась, он продолжался, словно заявляя о своём существовании.

– Этот звук... действительно странный.

Тогда госпожа Кубо подумала, что звук похож на то, как кто-то подметает татами.

Но поскольку «кто-то» не мог существовать, это был звук призрака. Недолго думая, её воображение превратило «уборку татами» в «призрак женщины средних лет, подметающей татами».

Госпожа Кубо испугалась собственного воображения.

Впоследствии я попросил госпожу Кубо уточнить, как выглядел пояс кимоно, который она видела; она сказала, что это был, скорее всего, пояс-оби из парчи с золотым узором, который используется для торжественных случаев.

Это тот самый «пояс из парчи с золотым узором», о котором поётся в известной детской песенке «Кукла-невеста». Но такой пояс используется в основном на праздничных мероприятиях. Иными словами, это пояс для важных торжеств, который носят с парадным кимоно и завязывают двойным бантом «нидзюу тайко».

– Такой пояс длинный? – спросила меня госпожа Кубо.

– Длинный, – ответил я.

Оби-пояс обычно имеет длину около четырёх метров. Когда мы снимаем кимоно, мы вешаем его для проветривания; то же самое делают и с поясом. Если повесить его обычным способом, он не касается татами; если же подвесить только за один конец, он может волочиться по полу. Но пояс из парчи стоит недешево, и вряд ли с ним обращаются небрежно; обычно его вешают на плечики или перекладину так, чтобы он не касался пола.

– Есть же такие картинки, где женщина тащит за собой наполовину развязанный пояс?

Когда она это сказала, я понял, какую картину она себе представляет, – мне пришла на ум та же самая.

Когда пояс завязывают в форме двойного банта, его оборачивают вокруг талии, а затем с помощью специального шнура-обидзимэ закрепляют на теле подушечку-обимакура и шарф-обиагэ. Шнур, который завязывается поверх банта, называется оби-дзимэ; он очень прочный, сплетён из десятков шёлковых нитей и представляет собой изящно переплетённый шнур.

– Значит, он может выдержать вес человека? – спросила госпожа Кубо.

– Думаю, да, – ответил я.

Но чтобы пояс в форме двойного банта упал на пол, недостаточно просто развязать оби-дзимэ – нужно снять подушечку и шарф. Подушечка, придающая форму банту, служит опорой для пояса, а шарф – это тонкий шёлковый платок, который используется, чтобы придать объём; он недлинный, но мягкий, и его можно использовать для связывания рук или ног.

Развязав оби-дзимэ, его закрепляют высоко на гвозде или перекладине, завязывая петлю. Затем встают на подставку, снимают подушечку и шарф, позволяя поясу бессильно повиснуть до самого пола. Свободным шарфом связывают ноги, чтобы подол не развевался – это старый обычай. И наконец, просунув голову в петлю, сбрасывают подставку.

Пояс раскачивается, касаясь татами.

В темноте тело повесившейся женщины в праздничном кимоно покачивается...

– Вы хотите сказать, что в этой комнате кто-то покончил с собой? – спросила госпожа Кубо, но я не мог утверждать наверняка.

Если следовать канонам жанра «страшных историй», получается именно так. Но тогда непонятно, почему такая же история происходит и в другой квартире.

В доме Окатани, где жила госпожа Кубо, на каждом этаже было по пять сдаваемых квартир, но на первом этаже, из-за наличия входа, было только четыре. Распределение квартир на всех этажах было одинаковым: угловые квартиры на каждом конце здания были 2LDK; из трёх

средних – одна была 1LDK, а две другие – 2LDK; площадь 1LDK была меньше, а сэкономленное место ушло под лифт.

Номера квартир составлялись из номера этажа и номера комнаты, и по этой схеме номера шли от 101 до 405.

На первом этаже самой дальней угловой была квартира 101, затем 102, 103, 104; ближе к дороге – вход в дом. На втором этаже, считая от торца, шли 201, 202, 203, 204, 205; госпожа Кубо жила в четвёртой – то есть в 204.

Госпожа Ясима, которая писала мне, жила в квартире 401 – на четвёртом этаже, в самом дальнем конце.

Получив моё письмо, госпожа Кубо заглянула в почтовые ящики у входа: в квартире 401 к тому времени уже значилась другая фамилия.

К сожалению, я не помню, ответил ли я госпоже Ясима на её письмо. Даже если я и ответил, я не нашёл других писем от неё – похоже, она больше не писала мне о странных явлениях. Я не знаю и её нынешнего адреса. Но если она съехала меньше года назад, можно было бы написать в квартиру 401 с просьбой переслать письмо по новому адресу – так я думал.

Госпожа Кубо думала так же. Чтобы узнать, когда въехали нынешние жильцы, она специально зашла в квартиру 401.

В то время в 401 жила семья Сайдзё. Жене было около тридцати пяти-тридцати шести, она была домохозяйкой, у них было трое детей – пяти, трёх и двух лет.

Госпожа Кубо навестила их и рассказала госпоже Сайдзё, что разыскивает предыдущих жильцов, и спросила, когда они сами въехали. Выяснилось, что семья Сайдзё переехала в конце 1999 года.

– Сначала я хотела посмотреть, как обстоят дела, и, возможно, рассказать ей о госпоже Ясима и спросить, не случилось ли у них чего-то странного, но я не решилась, – сказала госпожа Кубо.

Я получил письмо от госпожи Ясимы в июле 1999 года. Тогда они жили там около четырёх месяцев – значит, они переехали примерно в марте того же года, а к концу года квартира уже перешла к семье Сайдзё. Семья Ясима прожила там не более девяти месяцев. Я не знаю, слышала ли госпожа Сайдзё о «звуке скольжения по татами», но если нет, то лучше бы ей не знать, что предыдущие жильцы прожили всего девять месяцев, ведь это не та новость, которая обрадовала бы.

– Девять месяцев – это действительно мало, – заметила госпожа Кубо.

Я спросил её, на какой срок был заключён договор аренды, и она ответила – на два года.

Это самый распространённый сейчас срок аренды. Если срок больше, жильцы легче решаются на переезд при каких-либо неудобствах; если два года, то даже если возникают проблемы, люди стараются терпеть до момента продления контракта; к тому же, учитывая срок уведомления о расторжении, жилец максимум через год и десять месяцев должен начинать искать новое жильё.

– Да... поэтому я тоже решила постараться продержаться до продления контракта, – сказала госпожа Кубо. – В конце концов, никакого реального вреда нет. А если вспомнить о залоге за следующую квартиру, расходах на переезд, хлопотах с досрочным расторжением – проще уж потерпеть.

Хотя в то время уже существовали варианты без платы за продление контракта.

Но тогда арендодатели, как правило, брали плату за обновление договора. В любом случае, раз уж надо платить, то, если жильё некомфортное, хочется съехать. Однако, если посмотреть с другой стороны, расходы на переезд до истечения срока контракта – это ненужные траты. Поскольку это тоже деньги, люди, естественно, колеблются. Возможно, поэтому, согласно статистике Японской ассоциации управления арендным жильём, менее одного процента жильцов

сезжают в течение года, а почти семьдесят процентов семей живут в одном и том же объекте более четырёх лет.

– И всё же семья Ясима съехала до истечения срока. Неужели после того, как она написала мне, произошло что-то реальное, наносящее ущерб?

На это я мог только ответить: «Не знаю».

С другой стороны, это могло быть связано с дочерью госпожи Ясимы, и для неё это стало серьёзным поводом для беспокойства.

– Как бы то ни было, что-то должно было случиться. Обычно люди не съезжают, прожив всего девять месяцев.

Из письма госпожи Ясимы ясно, что в квартире 401 действительно что-то было.

Это что-то свисало с потолка и иногда издавало звук, похожий на скольжение по татами.

Она представляла себе душу повесившегося человека, чьи ступни или часть одежды касались татами и издавали этот звук. Если учесть, что увидела госпожа Кубо, естественно направилась картина повесившейся женщины в кимоно.

Её развязанный пояс касался татами.

– Однако госпожа Кубо жила в квартире 204.

Даже если в квартире 204 когда-то кто-то покончил с собой, это не объясняет, почему душа самоубийцы появляется в квартире 401, и наоборот. Квартиры 401 и 204 не соседние и не расположены друг над другом.

И, в конце концов, действительно ли кто-то там покончил с собой?

Если бы в прошлом было самоубийство, риэлтор должен был бы предупредить.

Учитывая, что в наши дни психологические недостатки также включаются в гарантийную ответственность, мы считаем само собой разумеющимся, что риэлтор обязан предупреждать. Под гарантийной ответственностью за арендуемый объект подразумевается, что арендодатель несёт ответственность перед арендатором за скрытые дефекты или недостатки помещения.

Например, обычно арендатор не может при осмотре заметить дефекты трубопровода, поэтому если после заселения из-за таких дефектов возникает протечка, арендатор может требовать от арендодателя ответственности. В течение года с момента обнаружения дефекта арендатор обычно может требовать возмещения ущерба или бесплатного ремонта; если жить невозможно из-за невозможности ремонта, арендатор может расторгнуть договор. По закону, арендодатель обязан сообщить арендатору обо всех известных ему дефектах помещения, даже если он сам о них не знал (хотя в зависимости от условий контракта гарантийная ответственность может быть исключена).

К «дефектам» также относятся «психологические недостатки». Как следует из названия – «психологическая травма».

Если арендатор заранее знает, что в помещении были пожары или наводнения, рядом находятся мусоросжигательные заводы, крематории, сооружения религиозных организаций, офисы якудза, или даже земля храмов или кладбищ, он может избежать подписания сомнительного контракта. Кроме того, к «дефектам» относятся и «объекты с происшествиями», где происходили самоубийства или убийства.

В прошлом был случай, когда из-за самоубийства, произошедшего в здании шесть лет назад, покупатель расторг договор с продавцом квартиры и потребовал компенсацию (решение окружного суда Иокогамы, 1989 год). Также в сделке с землёй было признано, что смерть в здании при пожаре три года назад создаёт психологический дефект для покупателя (решение окружного суда Токио, 2010 год). Более того, самоубийство в соседнем складе также может быть признано причиной «психологического недостатка», поскольку самоубийство создаёт «психологический изъян из-за отталкивающих исторических обстоятельств» на земле и строениях (решение окружного суда Токио, 1995 год).

С другой стороны, было и решение (окружной суд Осаки, 1999 год), согласно которому, если здание, где произошло самоубийство, было снесено, то вновь построенное здание не считается дефектным. Однако есть и прецедент (высокий суд Осаки, 2006 год), когда убийство в здании признаётся дефектом, даже если здание снесено. Поскольку убийство женщины было совершено с особой жестокостью и вызвало сильное отвращение у населения, а также широко освещалось в СМИ, и даже после сноса здания и восьми лет, прошедших с тех пор, событие осталось в памяти жителей, суд счёл, что это событие привело к психологическому дискомфорту и невозможности проживания – это обоснованно.

Согласно этим прецедентам, если здание является объектом с происшествием, арендодатель обычно сообщает об этом арендатору в течение как минимум десяти лет. Если в прошлом в квартире госпожи Кубо было самоубийство, риэлтор был обязан сообщить.

– Риэлтор ничего не говорил... но разве обычно не обязаны сообщать?

Однако, если подумать, всегда ли риэлтор обязан сообщать, – нельзя ответить однозначно.

В соответствующих судебных решениях судьи оценивают содержание «происшествия», время, прошедшее с момента происшествия, состояние здания, где оно произошло, осведомлённость соседей и другие обстоятельства. Таким образом, можно сказать, что в какой-то степени сами агентства решают, о каких происшествиях сообщать арендаторам, поэтому если агентство считает, что оно не обязано сообщать, оно выигрывает дело – это не редкость.

– Если самоубийство произошло в квартире 401, то риэлтор не стал бы мне говорить, верно?

– Именно так.

– Это всё, что я мог ответить.

2. Дом Окатани

3. Если самоубийство произошло не в квартире 204 госпожи Кубо, а в квартире 401, то риэлтор должен был сообщить об этом госпоже Ясуме, однако в письме, которое я прочитал, ни слова об этом не было. А как же нынешние жильцы – семья Сайдзё?

Однако это не тот вопрос, который можно задать прямо.

Поэтому госпожа Кубо решила спросить у других. Она обратилась к тому самому риэлторскому агентству, которое помогало ей с арендой: не было ли самоубийств в её квартире или во всём доме? Но сотрудник, который вёл её дело, ответил: «Нет».

– В месте, где вы сейчас живёте, не было самоубийств, а также никаких других преступлений или несчастных случаев со смертельным исходом. В настоящее время при работе с такими объектами мы обязаны заранее сообщать арендаторам соответствующую информацию. По правилам я не могу отвечать на вопросы о других квартирах в доме, но, к счастью, с момента постройки ни в одной из квартир не было самоубийств, несчастных случаев или смертей, можете быть спокойны.

Он не выглядел лгущим, но это могло быть и не так.

На всякий случай госпожа Кубо отправилась в библиотеку и просмотрела старые газеты, но подобных сообщений не нашла. Самым надёжным способом было бы спросить у владельца дома, но собственник дома Окатани совершенно не вмешивается в дела квартир, поэтому его статус – это не «арендодатель» в традиционном смысле, а просто владелец здания. К тому же он живёт далеко, а управление и обслуживание дома полностью переданы управляющей компании, так что рассчитывать на получение информации о жильцах от него не приходилось.

Оставалось только спросить соседей по окрестностям, но жильцы дома Окатани не участвуют в местных квартальных собраниях, а одинокая госпожа Кубо не имела связей с местной организацией самоуправления. Пока она размышляла, у кого ещё можно спросить, она вспомнила, что иногда встречает госпожу Сайдзё из квартиры 401.

В хорошую погоду госпожа Сайдзё иногда позволяла детям играть перед домом.

У дома имелась парковка для жильцов, а перед ней проходила дорога, которая вместе с коридором, ведущим к входу в дом, образовывала довольно просторную площадку – место сбора местных молодых мам. Они часто сидели на краю кустов и присматривали за детьми, игравшими перед ними.

Госпожа Кубо работала, и редко выходила в то время, когда дети играли, но примерно раз в неделю она встречала госпожу Сайдзё. Если она не спешила, они останавливались и болтали. Они были примерно одного возраста.

По роду работы госпожа Кубо не была застенчивой; госпожа Сайдзё тоже была общительной и иногда, пока дети играли рядом, могла поболтать с госпожой Кубо; та даже иногда присоединялась к разговорам мам.

Однажды госпожа Сайдзё сама спросила её: – Нашли предыдущих жильцов?

– Нет, – ответила госпожа Кубо, – проследить за конкретным человеком довольно сложно.

Услышав это, другая молодая мама спросила: – Вы говорите о госпоже Ясимае?

Её звали госпожа Масико, она жила в старом отдельном доме через дорогу от дома Окатани. В доме жили муж, свекровь и свёкор, а также четырёхлетний сын.

– Они съехали через год, даже не прожив и года, – сказала госпожа Масико, глядя на госпожу Сайдзё. – Поэтому я и говорила, что в той квартире долго не живут.

Госпожа Кубо удивилась. Оказывается, ходил слух, что в квартире 401 долго не живут, и госпожа Сайдзё знала об этом.

– До госпожи Ясимы жильцы тоже не прожили и полугода, а ещё раньше, кажется, было три-четыре смены жильцов.

Хотя госпожа Масико так сказала, госпожа Сайдзё улыбнулась:

– Но у меня, правда, нет никаких особых ощущений.

С тех пор как она услышала от госпожи Масико о «квартире, где долго не живут», она даже надеялась, что у неё что-то появится, и даже в шутку говорила, что как только что-то появится, она сразу же попросит у агентства скидку на аренду; но, к сожалению, ничего не происходило.

Но госпожа Масико добавила:

– Не только квартира 401 – в этом доме есть ещё одна квартира, где долго не живут.

Госпожа Кубо насторожилась: «квартира, где долго не живут», о которой говорила госпожа Масико, видимо, была соседней – квартира 203.

Госпожа Масико не была жительницей дома, поэтому не могла утверждать наверняка, но, по её впечатлению, в той квартире часто менялись жильцы. С ней согласилась и госпожа Хэмми, которая жила в квартире 403 дома Окатани со своими детьми пяти и четырёх лет.

Семья Хэмми прожила в доме более трёх лет, и за это время в квартире 203 сменилось по меньшей мере пять семей, а самая короткая аренда длилась всего три месяца.

– Когда они въезжали, они заходили поздороваться, но они менялись так часто, что я даже не запомнила их.

Госпожа Кубо вспомнила: весной этого года в квартире 203 появился новый жилец. Она помнила, что когда она въехала и зашла поздороваться к соседям, те сказали: «Мы тоже только что въехали». Это была её единственная встреча с соседями. Это была пара, оба работали, и их часто не было дома. У госпожи Кубо был ненормированный график, у них тоже, и иногда она видела свет в соседней квартире в необычное время.

– А когда въехали предыдущие жильцы? – спросила госпожа Кубо. Госпожа Хэмми ответила:

– Кажется, в конце сентября или начале октября... они прожили около полугода.

– Вот как?

Госпожа Кубо удивилась: оказывается, они уже жили там, когда она въезжала; но они съехали в марте, в сезон переездов, поэтому она не обратила на это внимания.

– С другими жильцами примерно так же, – сказала госпожа Хэмми, – те, кто живёт около полугода, – это те, кто живёт дольше всех.

Госпожа Кубо спросила и о квартире 204. Госпожа Хэмми ответила не очень уверенно. По её словам, до госпожи Кубо в квартире жил молодой холостяк, который съехал примерно через полгода; до него там жила молодая пара, которая жила здесь до того, как семья Хэмми переехала, и прожила не менее трёх лет.

– Мне просто повезло, что передо мной жили недолго, а до них жили несколько лет, так что у меня не сложилось впечатления, что в этой квартире часто меняются жильцы.

К тому же этот дом не продаётся, а сдаётся в аренду. Естественно, кто-то съезжает по личным причинам. В конце концов, люди выбирают аренду именно потому, что рано или поздно переедут из-за работы или других обстоятельств.

– Те, кто съезжал, ничего не рассказывали?

Когда госпожа Кубо спросила, все трое выглядели озадаченными.

У тех, кто съезжал, были свои причины, но нельзя было утверждать, что эти причины были настоящими. Однако действительно никто не слышал, чтобы перед отъездом с ними что-то случилось. Здесь не было никаких преступлений, несчастных случаев, не говоря уже о самоубийствах. Госпожа Масико вышла замуж и переехала сюда шесть лет назад, и она никогда не слышала, чтобы в этом доме или даже в этом районе происходили самоубийства, преступления или несчастные случаи.

Короткий срок проживания сам по себе не был чем-то странным; однако госпожу Кубо удивило, что в доме Окатани такие проблемы, судя по всему, были только в квартирах 401 и 203. И при этом госпожа Сайдзё, которая сейчас жила в 401, не сталкивалась ни с чем странным: она прожила там уже более двух лет и чувствовала себя вполне комфортно; то же самое касалось и госпожи Хэмми, которая прожила в 403 более трёх лет.

– Наверное, просто так совпало, что это были именно эти люди, – сказала госпожа Хэмми и улыбнулась. – В конце концов, такое бывает.

Рядом с домом Окатани находился небольшой квартал из тесно стоящих узких домов, где люди часто въезжали и съезжали. Это были не арендные, а собственные дома. Однако один из них хозяин сдавал, и жильцы там тоже долго не задерживались.

– Это не шутка, но, может быть, в этом районе так и есть? – подхватила госпожа Масико. – Здесь вообще не задерживаются, все живут недолго.

Она имела в виду не что-то сверхъестественное, а то, что в этом районе жильцы действительно менялись очень часто. Если переезжать из-за свадьбы или рождения детей, это неплохое место; но чтобы жить здесь всю жизнь – недостаточно хорошее. Госпожа Масико вышла замуж и переехала в дом своих свекров, поэтому ей приходится жить здесь постоянно; госпожа Сайдзё и госпожа Хэмми тоже думали о том, чтобы когда-нибудь купить дом в другом месте.

Это изначально был район с высокой текучестью жильцов.

И всё это время госпожа Кубо так и не решилась рассказать о странных звуках, которые слышала в своей комнате, или о том, что упоминала госпожа Ясима.

– Они все говорили, что в этих квартирах долго не живут, и я строила на этот счёт разные догадки, но если подумать, что это просто район с высокой текучестью населения, то действительно...

В предыдущей квартире госпожи Кубо жильцы тоже менялись очень часто. Это был дом для одиноких, где соседи почти не общались, и она не знала, кто в какой квартире живёт; но она помнила, что в одной квартире жильцы всегда задерживались ненадолго.

– В моей предыдущей квартире срок аренды был всего один год...

Включая саму госпожу Кубо, никто не собирался жить здесь долго.

– Если там никто не кончал с собой, то у призрака нет причин появляться. Тогда что же мы слышали?

Обычно можно было бы решить, что госпоже Кубо просто показалось, или что это были галлюцинации. Однако я лично считаю, что такое объяснение сомнительно, потому что госпожа Кубо и госпожа Ясима слышали не просто несуществующий звук – они обе действительно что-то слышали, не так ли?

Однако это не было чем-то аномальным: тот звук мог быть обычным шумом, который слышен из квартиры или из окрестностей, и поэтому обе услышали одно и то же, а другие жильцы просто не обращали на это внимания. Иными словами, госпожа Кубо и госпожа Ясима случайно услышали этот звук и пришли к похожим ассоциациям.

То же самое касалось и того, что госпожа Кубо приняла за «нечто похожее на пояс».

В гостиной было светло, а комната за спиной – темна, и раздвижные двери были открыты, поэтому свет отбрасывал на татами в комнате четырёхугольную полосу света, и когда она резко обернулась, она приняла этот свет за пояс, а тонкий узор, который она разглядела, мог быть просто поверхностью татами. Госпожа Кубо на мгновение поддалась иллюзии «похожего на пояс», но сразу же поняла, что это на самом деле татами, и иллюзия исчезла.

Я думаю, это и есть то, что называется «мнимым» (кёмо).

«Мнимое» – это буддийский термин, противопоставленный «истинному»; оно обозначает явления, отличные от истины, порождённые заблуждением; «мнимое восприятие» (кёмо-кэн) – это когда нечто нереальное принимают за реальное; «мнимая форма и сущность» (кёмо-тайсо:) – состояние, когда ум, затуманенный страстями или предвзятыми представлениями, принимает то, чего на самом деле нет, за истину – иными словами, принимает «ложное» за «истинное», а «мнимое» за «реальное».

В конечном счёте, всё дело в предвзятости самого человека.

Госпожа Кубо и госпожа Ясима изначально написали мне, потому что читали мою серию романов ужасов. Как и госпожа Кубо, они любили истории о реальных паранормальных явлениях, часто смотрели фильмы ужасов и, возможно, когда переезжали, уже думали о том, что в их новом доме может быть «что-то»; они не просто воображали, но и внутренне были к этому готовы. Например, то, что госпожа Кубо искала талисманы, как раз подтверждает такое настроение.

– Она боялась, но в то же время ждала этого.

Если бы не это, они вряд ли читали бы романы ужасов.

Именно поэтому, услышав незнакомый звук, даже самый обычный, они чутко реагировали и истолковывали его в духе страшных историй – как «звук, издаваемый кем-то невидимым».

«А что, если здесь что-то есть?» – стоит возникнуть такой мысли, и обычное явление начинает казаться сверхъестественным.

Пять чувств лишь пассивно воспринимают существующие вещи, а суждение «это звучит как...» или «это похоже на...» выносит мозг; а мозг, как известно, склонен к серьёзным ошибкам.

– Вот оно что, – горько улыбнулась госпожа Кубо. – Пожалуй, вы правы.

Я думаю, «страшные истории» рождаются именно из таких иллюзий.

Испытывать «страх» в данный момент, наверное, могут только те, кто наделён даром видеть духов; если же стремиться ко всему находить рациональное объяснение, то, вероятно, за всю жизнь так и не увидишь ни одного призрака – и, честно говоря, находятся люди, которые, видя, как я так активно ищу разумные объяснения всевозможным явлениям, говорят: «Если ты так думаешь, ты никогда не увидишь призрака». Это неоспоримая истина: даже если бы я действительно увидел призрака, я бы обязательно придумал какую-нибудь натянутую причину, чтобы доказать, что я ничего не видел.

– Хорошо уметь так спокойно рассуждать, – утешила меня госпожа Кубо.

– Правда? – ответил я.

Хотя госпожа Кубо сказала, что «ей показалось», образ «повешенной женщины» так и не исчез, и в конце концов она всё равно закрыла двери в комнату.

Она понимала, что это игра воображения, но страх не проходил; в таком случае лучше было сразу признать, что она «боится», ведь результат от этого не изменился бы; однако, возможно, только те, кто «обладает даром видеть», могут честно признаться, что «боятся», потому что если они видят – они видят, и им легче признаться в своих чувствах.

Когда я сказал это, госпожа Кубо рассмеялась и ответила: – Наверное, так оно и есть.

Я тоже рассмеялся – а затем на время забыл об этом.

Предыдущий жилец

Этой весной я был очень занят по личным делам.

Долгое время я жил в съёмной квартире, но вдруг подумал, что неплохо бы приобрести собственное жильё. Я женат, муж тоже работает в той же сфере, и мы оба из тех, кто не может работать, не закрывшись в отдельной комнате, поэтому, хотя мы и живём вдвоём, мы снимали соседние квартиры и жили каждый сам по себе, но это было дорого и неэффективно, к тому же нам обоим хотелось иметь собственный дом. Однако по поводу места мы никак не могли прийти к решению.

Но теперь я подумал, что неплохо было бы жить в Киото до конца своих дней. Наш тогдашний хозяин был довольно любезен, и в квартире жилось удобно, так что мы незаметно прожили там довольно долго. Поразмыслив, я решил, что нам стоит купить дом, и в начале года принял это решение. После этого я был занят поисками участка под застройку, и в июне наконец нашёл подходящую землю; затем начались хлопоты с оформлением документов на покупку, проектированием нового дома и множество других дел.

В тот год я был так завален разными делами помимо писательства, что время пролетело незаметно. Я был настолько занят, что у меня даже не было возможности спокойно поболтать с госпожой Кубо о фильмах ужасов, и вот, когда наступила осень и листья начали краснеть, госпожа Кубо, с которой мы давно не общались, позвонила мне.

– Это может показаться немного неприятным, можно рассказать?

Голос госпожи Кубо звучал мрачновато. Как я узнал из разговора, она с весны всё ещё продолжала расследование относительно дома Окатани и собирала информацию через знакомых и в местах, которые часто посещала.

– Я думала, что больше не буду обращать на это внимания и забуду обо всём, но этот звук меня всё равно беспокоит...

В комнате госпожи Кубо по-прежнему раздавался «звук скольжения по татами». Она закрыла двери в японскую комнату, и сначала звук действительно перестал быть слышен, но в последнее время она слышала другой звук.

Глухой и тяжёлый звук «бум». Он был похож на то, как что-то падает.

Госпожа Кубо представляла, что это падает подставка для ног, но когда это воображение накладывалось на образ раскачивающегося в темноте пояса, она никак не могла избавиться от мысли, что кто-то вешается.

– Я говорила себе, что это не стоит внимания, что это просто кто-то сверху или сбоку передвигает мебель.

Но каждый раз, слыша этот звук «бум», она невольно настораживалась, а затем из-за раздвижных дверей слышалось едва уловимое трение татами – или же ей слышался несуществующий звук.

Всё было именно так, но госпожа Кубо никак не могла успокоиться, особенно потому, что внезапный звук «бум» вызывал у неё чувство «вот оно!» – и она сидела, напряжённая до предела.

Было точно установлено, что в доме Окатани никто не кончал с собой, но даже зная это, ей всё равно хотелось выяснить, почему люди, съезжавшие из этого дома так рано, покидали его. Если бы она нашла причину, которая бы её убедила, то и «звук скольжения», и всё остальное можно было бы списать на «воображение».

Приняв такое решение, она начала искать бывших жильцов, но, по правилам, агентство не должно было сообщать ей эту информацию.

Женский круг, в который входили госпожа Сайдзё, госпожа Хэмми и госпожа Масико, тоже не знал новых адресов старых жильцов, но они иногда встречали съехавших жильцов в местах, которые часто посещали, и поэтому пообещали госпоже Кубо, что если ещё раз встретят их, то спросят контактные данные. Кроме того, господин Хэмми из квартиры 403 несколько раз видел мужчину, который раньше жил в квартире 204, – теперь на его месте жила госпожа Кубо.

До переезда госпожи Кубо жилец квартиры 204 работал в магазине бытовой техники, и господин Хэмми часто бывал там по работе.

В первый раз господин Хэмми встретил его, когда тот ещё жил в доме Окатани. Они встретились, когда выносили мусор, он узнал знакомое лицо и окликнул его. Хотя мужчина потом съехал, господин Хэмми до сих пор встречал его в том же магазине ещё два или три раза.

Услышав это, госпожа Кубо отправилась в магазин бытовой техники в двух станциях от её дома, но тот уже уволился. Однако она попыталась узнать его новый адрес через его коллег.

– Он умер в прошлом году – говорят, повесился.

Назовём жильца квартиры 204 господином Кадзикава Рё. Ему было двадцать семь лет, он был холост, работал продавцом в магазине бытовой техники неподалёку. Коллеги отзывались о нём как о человеке с глубокими знаниями товаров, серьёзном и честном.

Его здоровье начало ухудшаться в позапрошлом году – в 2001 году, он часто брал больничные, а за месяц до того, как въехала госпожа Кубо, он съехал. Вскоре после этого он уволился с работы, заперся в новом жилье и в конце концов покончил с собой там.

– Он умер в начале декабря... Это совпадение, но именно в то время я заметила странный звук в своей комнате.

Хотя госпожа Кубо так сказала, при более внимательном рассмотрении временные рамки немного не совпадали.

Вполне возможно, что госпожа Кубо слышала «звук скольжения по татами» ещё до смерти господина Кадзикавы – но пока оставим это. Господин Кадзикава переехал в дом Окатани в апреле 2001 года, а съехал в начале сентября того же года. Поэтому, когда госпожа Кубо осматривала квартиру, внутри, естественно, было чисто, ведь господин Кадзикава прожил там всего пять месяцев.

Коллега господина Кадзикавы рассказал госпоже Кубо, что примерно с «золотой недели» в мае, через месяц после переезда в дом Окатани, у него, похоже, появились какие-то проблемы, он выглядел недовольным и часто задумчиво смотрел в одну точку в свободное время. С лета он стал часто пропускать работу, делать ошибки, а если его упрекали, он опаздывал, уходил раньше или вообще не выходил на работу. Коллеги, с которыми он был ближе, пытались поговорить с ним, но он не отвечал на вопросы. Казалось, он вообще не любил рассказывать о своей личной жизни.

Начальник, наконец, не выдержал и сделал ему выговор за прогулы, а в сентябре господин Кадзикава прислал в магазин заявление об увольнении и уволился в одностороннем порядке. Начальник и коллеги приехали уговаривать его, но не смогли застать его дома. Кроме того, для получения пособия по безработице требуются такие документы, как справка об увольнении, и

по его просьбе магазин выслал ему эти документы по почте. Поэтому после увольнения никто его не видел.

Съехав из дома Окатани, господин Кадзикава переехал в квартиру недалеко от магазина бытовой техники. Возможно, он хотел, переехав поближе к работе, начать новую жизнь, так как часто опаздывал и брал отгулы, но вскоре уволился; он, должно быть, пытался найти новую работу, но, видимо, не нашёл.

Хозяйка его новой квартиры, госпожа Ито, рассказывала:

– Честно говоря, я почти не видела, чтобы он выходил из дому.

Госпожа Ито одна управляла своим арендным домом.

Она жила в соседнем доме. Когда жильцов не было дома, она принимала посылки, убирала общие помещения, навещала пожилых одиноких жильцов и даже приносила еду, если кто-то болел. Она была настоящей «хозяйкой» из старых добрых времён, но, несмотря на то что она часто бывала в доме, она почти не видела господина Кадзикаву.

– Я разговаривала с ним только тогда, когда он с агентом осматривал квартиру. Когда он въезжал, он тоже поздоровался, но это было просто приветствие. Я сказала ему, что если будут вопросы, он может обратиться ко мне в любое время, и если будут трудности, может посоветоваться со мной.

Однако после того как он въехал, госпожа Ито ни разу не говорила с ним.

– Наоборот, больше всего мы говорили именно когда он смотрел квартиру. Мы болтали о всякой ерунде: откуда он родом, как родители, чем занимается.

У госпожи Ито сложилось впечатление, что господин Кадзикава серьёзный, но очень нервный человек – это несколько отличалось от его оценки на работе, где его считали «серьёзным». Хотя его отношение к работе резко изменилось после того, как ухудшилось здоровье, раньше он никогда не опаздывал и не брал отгулы и был очень увлечён работой. Даже когда он стал часто отсутствовать, никто не считал его несерьёзным или разгильдяем, все думали, что у него что-то случилось. Но никто не называл его «нервным». Напротив, его описывали как человека немного неразговорчивого, но с широкой душой, терпимого, хорошо умеющего улаживать жалобы клиентов, снисходительного к ошибкам коллег и готового выслушать их жалобы и проблемы.

– Правда? Тогда почему у меня сложилось такое впечатление? – удивилась госпожа Ито и добавила:

– Возможно, потому что он очень переживал из-за других жильцов.

Господин Кадзикава, по-видимому, переехал поближе к работе, потому что не мог просыпаться по утрам, и спросил госпожу Ито:

– «В этом доме есть дети?» – спросил он. – «Есть ли младенцы?» Когда я сказала, что есть школьники, но маленьких детей нет, он успокоился. Я подумала, что на предыдущем месте его беспокоил плач младенцев по ночам. Я сказала ему, что у нас нет детей, которые плачут по ночам, и нет жильцов, которые шумят по ночам. Он сказал: «Это замечательно».

Это был двухэтажный дом из лёгких стальных конструкций, на одном участке было два таких здания. Дом, в котором жил господин Кадзикава, был реконструирован в прошлом году, и звукоизоляция была значительно улучшена.

– Во время реконструкции мы заменили татами на деревянные полы. Но деревянные полы более шумные. Сейчас многие очень чувствительны к шуму в доме, поэтому мы уделили особое внимание звукоизоляции. Когда я сказала ему об этом, он очень заинтересованно закивал, и я подумала, что он, видимо, очень чувствителен к звукам.

Кроме того, господин Кадзикава очень беспокоился о предыдущих жильцах.

Когда риэлтор представлял этот дом, он говорил, что это совершенно новый объект, но на самом деле дом был построен уже некоторое время, и в нём жили жильцы ещё до реконструкции. Поэтому когда господин Кадзикава услышал от госпожи Ито, что здесь есть и давние

жильцы, он спросил довольно резко: «Разве это не новостройка?» Госпожа Ито объяснила, что здание было реконструировано, но он всё равно несколько раз переспрашивал, действительно ли здесь не было предыдущих жильцов.

– Я думала, что он из тех, кто недоволен любой мелочью, поэтому сочла его нервным.

– Вот как, – согласилась госпожа Кубо, думая о другом – не столкнулся ли господин Кадзикава с чем-то странным в доме Окатани? Возможно, поэтому он подозревал, что в его жилье есть «что-то», и так настаивал на поисках новостройки, в которой точно ничего не происходило.

Однако он сам стал этим «чем-то».

Господин Кадзикава покончил с собой, повесившись в своей комнате в декабре, и именно госпожа Ито обнаружила его тело.

– Вы, наверное, были очень удивлены, – сказала госпожа Кубо.

– Ещё бы, – кивнула госпожа Ито, но выражение её лица было сложным. – Однако у меня было предчувствие... или, лучше сказать, мне это приснилось.

Госпожа Кубо попросила её рассказать подробнее, и госпожа Ито, немного смущаясь, сказала:

– Муж говорит, что это был сон, и я тоже так думаю.

Сказав это, госпожа Ито рассказала госпоже Кубо, что ей приснилось.

В ночь перед тем, как обнаружить тело господина Кадзикавы, госпожа Ито проснулась среди ночи.

Возможно, из-за возраста она часто просыпалась среди ночи, чтобы сходить в туалет, но на этот раз не поэтому.

Она проснулась без всякой причины, но по густоте ночной темноты и звукам вокруг она сразу поняла, что сейчас глубокая ночь – или уже близко к рассвету, – и она уже собралась снова заснуть, натянув одеяло до груди и закрыв глаза, как вдруг услышала...

Твёрдый звук «тук».

Она удивлённо открыла глаза: вежливый стук продолжался. Госпожа Ито перевела взгляд в сторону звука. У её кровати было окно высотой до пояса, но занавески были задернуты, и снаружи ничего не было видно, однако стучали по стеклу – очень вежливо.

– Кто там?

Госпожа Ито, крайне удивлённая, спросила из-под одеяла.

– Это Кадзикава, – раздался тихий ответ.

Госпожа Ито с трудом поднялась. Не случилось ли что-то с господином Кадзикавой? Раньше жильцы тоже иногда приходили среди ночи – чаще всего, когда кто-то из детей или пожилых внезапно заболел.

– Что случилось? Что-то произошло?

Госпожа Ито, подходя к окну, спросила, и из-за занавески донёсся голос:

– Простите.

– Нет-нет, ничего страшного. В чём дело?

Когда она раздвинула занавески и выглянула, за окном никого не было.

Дом госпожи Ито примыкал к дому жильцов, а за окном была парковка, но между ними был проход шириной около метра. Чтобы посторонние не могли заглянуть внутрь, была посажена живая изгородь. По ту сторону изгороди до окна не дотянуться, а по эту – негде спрятаться. К тому же было холодно, и она не открывала окно, а просто прижалась лицом к стеклу и огляделась. Однако в узком проходе никого не было...

Когда госпожа Ито уже начала удивляться, она открыла глаза.

«А, это был сон», – подумала она.

Но в тот же миг раздался стук в стекло у изголовья – точно такой же, как во сне. И стучали так же вежливо, будто боялись.

«Значит, стук в окно был не сном, а реальностью, и поэтому мне приснился соответствующий сон», – подумала госпожа Ито.

Она приподнялась и спросила:

– Кто там? В чём дело?

– Это Кадзикава, – тихо донёсся ответ из-за окна. Госпожа Ито чуть приоткрыла занавеску и выглянула наружу.

Она была уверена, что там никого нет, но на дорожке за окном стоял господин Кадзикава. В свете уличного фонаря его лицо выглядело мрачным.

– Что случилось?

Госпожа Ито раздвинула занавески, чтобы видеть его, и сказала. Тот тихо ответил: «Простите». Госпожа Ито ждала, что он объяснит причину визита, но он лишь слегка опустил голову и молчал. Когда она открыла оконный замок, он снова тихо сказал: «Мне очень жаль».

– Ничего страшного. У тебя что-то срочное?

Госпожа Ито открыла окно, и господин Кадзикава снова тихо извинился и опустил голову.

– Здесь неудобно разговаривать, – сказала госпожа Ито, глядя в сторону входа. – Давай у входа... – начала она, но когда перевела взгляд обратно к окну, господина Кадзикавы уже не было. Она удивлённо огляделась: освещённая фонарём дорожка была пуста, на ней ничего не двигалось.

Дорожка была посыпана гравием, чтобы отпугивать воров, и если бы кто-то пошёл по ней, было бы слышно шаги. Госпожа Ито даже высунулась из окна, чтобы осмотреться, но увидела только гравий, покрытый инеем, тускло поблёскивающий в темноте.

«Как же так?» – подумала она, и в этот момент снова проснулась. «Что за чертовщина?» – пробормотала она, и тут снова раздался вежливый стук – «тук-тук». Ей стало страшно, она посмотрела на изголовье и поняла, что звук доносится не из окна. Госпожа Ито приподнялась и прислушалась – стук доносился из-за раздвижной двери справа, за которой находился вход.

Стук в дверь продолжался.

Она взглянула на будильник у изголовья – было около четырёх утра. Убедившись во времени, госпожа Ито выбралась из-под одеяла и открыла раздвижную дверь. В прихожей было темно, но за стеклянной дверью виднелся силуэт. Сквозь стекло с деревянной решёткой, в тусклом свете уличного фонаря, можно было разглядеть фигуру мужчины, стоящего за дверью.

– Кто там? – спросила госпожа Ито, хотя знала, кто это.

Фигура за стеклянной дверью слегка поклонилась.

– Это Кадзикава.

– Так поздно, по какому делу? – спросила она, но так и не встала с постели. Почему-то ей не хотелось вставать.

– Простите, – тихо сказал господин Кадзикава.

Расплывчатая фигура стояла, опустив руки по бокам, и не двигалась.

– Что случилось? Произошло что-то?

Сколько бы она ни спрашивала, господин Кадзикава не отвечал ничего, кроме: «Простите».

– Если не срочно, может, обсудим завтра? – сказала госпожа Ито, и он, опустив голову, ответил: «Простите... Мне очень жаль». Поклонившись, он, не поднимая головы, отошёл от входа.

«Что же это такое?» – с неприятным чувством закрыла дверь госпожа Ито. В недоумении думая о господине Кадзикаве и повторяющемся сне, она снова легла и уже натянула одеяло до подбородка, как вдруг из-за окна у изголовья донёсся голос:

– Мне очень жаль.

Она удивлённо повернула голову к окну. Шторы были задёрнуты, но снаружи слышались шаги, удаляющиеся по гравиию.

Госпожа Ито наконец вздохнула с облегчением и снова заснула, но на следующее утро проснулась раньше обычного и не стала больше ложиться – она беспокоилась о господине Кадзикаве. Она быстро переоделась.

Проснувшийся муж, господин Ито, спросил: «Что случилось?» – и, выслушав рассказ жены о событиях перед рассветом, засмеялся: «Тебе приснилось». Господин Ито всегда спал чутко, но он совершенно не слышал никаких звуков. Не говоря уже о стуке господина Кадзикавы, он бы непременно проснулся, если бы услышал, как его жена разговаривает с кем-то у входа.

«Действительно, всё это было сном?» – подумала госпожа Ито, но, всё ещё не успокоившись, сразу же направилась в дом жильцов.

Из-за времени года в только что рассветном небе ещё бледнела заря. Пересекая парковку и приближаясь к дому, она сразу заметила, что на двери господина Кадзикавы приклеен лист бумаги.

В тот же миг у госпожи Ито возникло предчувствие. Она подбежала поближе и прочитала: «Извините за беспокойство». «Так и есть», – подумала она, и, протянув руку к ручке, обнаружила, что дверь не заперта.

Она знала, что увидит.

– Это было какое-то предчувствие... Когда я открыла дверь, я увидела господина Кадзикаву, – вздохнула госпожа Ито.

– Похоже, он скончался около часа или двух ночи. Значит, мне только показалось, что он приходил... Но...

Комната была чисто убрана, коробки с адресом его родительского дома были аккуратно сложены для отправки. Он оставил записку, в которой просил выбросить остальные вещи, и даже приложил деньги на почтовые расходы, но предсмертной записки не было. Возможно, боясь испачкать комнату, он постелил под себя полиэтиленовую плёнку.

– Этот его извиняющийся голос казался таким настоящим... вот же... – не договорила она.

– По словам его родственников, у него, видимо, закончились сбережения, – сказала госпожа Кубо.

Точно известно, что у него не было денег даже на оплату аренды и коммунальных услуг за следующий месяц.

– Хозяйке было очень тяжело, она говорила, что могла бы договориться об аренде... Как печально.

Действительно, можно только сказать, что это очень печально. В поведении господина Кадзикавы, который из всех сил старался никому не доставлять хлопот, проступал его тонкий душевный склад. Это было по-настоящему грустно.

– Время его смерти совпадает с тем, когда в моей комнате появился странный звук, словно господин Кадзикава вернулся в свою прежнюю квартиру.

В доме Окатани, квартира 204.

Неужели это он раскачивался в японской комнате?

– Наверное, нет.

Если то, что увидела госпожа Кубо, было правдой, то в комнате раскачивалась женщина в кимоно, а не господин Кадзикава. К тому же господин Кадзикава повесился на двухъярусной кровати, что не является классическим способом повешения, и он не раскачивался в воздухе. Время тоже не совпадало. Госпожа Кубо осознала «звук скольжения по татами» в декабре, но ей казалось, что она слышала его и раньше.

– ...Или, может, это было некое предзнаменование? – сказала госпожа Кубо.

Однако, если излагать это более в духе «страшных историй», можно сказать, что женщина в кимоно призвала господина Кадзикаву.

В страшных историях часто встречаются слова «проклятие», «одержимость», «зов», «призыв», но никто не знает, что они на самом деле означают. Однако тот факт, что человек, который жил в комнате с призраком самоубийцы, в конце концов тоже покончил с собой, – это действительно классический сюжет. В комнатах, где кто-то покончил с собой, продолжают происходить самоубийства; или человек без всякого намерения, сам того не желая, сводит счёты с жизнью, и в этой комнате уже были самоубийцы...

Вероятно, это основано на реальном явлении «непрекращающихся самоубийств».

Действительно, существует такое явление, как «места, где постоянно кончают с собой». Однако это объясняется тем, что люди, склонные к суициду, выбирают места, где уже были подобные случаи, и возникает «популярное место для самоубийств». Кроме того, бывают и подражательные самоубийства, когда, например, кто-то прыгает с поезда синкансэн, и другие повторяют его способ. С этой точки зрения можно сказать, что самоубийцы призывают самоубийц. Поэтому в некоторых странах при освещении самоубийств стараются не указывать подробно место или способ – говорят, что это помогает сдерживать число самоубийств.

Однако случай господина Кадзикавы не подходит под эти примеры.

В доме Окатани раньше не было самоубийц, и это не могло быть подражательным самоубийством. Вместо этого его случай больше похож на классическую «страшную историю».

В комнате, откуда доносились странные звуки, по-видимому, появлялся призрак самоубийцы; предыдущий жилец прожил всего пять месяцев, съехал, а затем покончил с собой – это абсолютно классический шаблон страшной истории.

То, что господин Кадзикава покончил с собой, – неоспоримый факт, но я не знал, как к этому относиться. Мне не хотелось объяснять это «страшной историей», и я беспокоился о госпоже Кубо.

Господин Кадзикава призывает госпожу Кубо – хотя я так не думал, но часто говорят, что такие вещи «не к добру». Не стало ли тогда жильё госпожи Кубо «недобрым» местом, раз оно связано с самоубийством?

Несколько раз я хотел посоветовать госпоже Кубо переехать, но она, казалось, не собиралась этого делать, и я не решался сказать. Если бы она сама сказала: «Я хочу съехать», я бы, конечно, ответил: «Это было бы лучше». Но если бы я сказал: «Может, лучше переехать?» – ей бы это показалось неприятным.

Я не верю в призраков или проклятия, но меня тревожит понятие «не к добру».

Нет ничего удивительного в том, что нечто, не поддающееся рациональному объяснению, связывает два явления. Такое бывает. Обычно это нельзя объяснить, это можно только почувствовать; и не только я так считаю – многие мои знакомые, такие же рационалисты, часто говорят о «везении», «невезении», «судьбе».

Мой муж – человек, который отрицает паранормальные явления даже более решительно, чем я, но стоит зайти разговору о маджонге, и он с серьёзным лицом начинает рассуждать об «удаче» и «везении» – таких же иррациональных понятиях.

Когда мы искали землю для строительства нового дома, случилось то же самое. Мы посмотрели много мест, думали: «Вот здесь, наверное, подойдёт», – и уже были готовы согласиться, но на стадии покупки что-то шло не так.

Переговоры затягивались, возникали недопонимания, внезапно появлялись конкуренты, и нас подталкивали к решению, но в самый последний момент сделка срывалась. Землю, которую мы в итоге купили, мы полюбили с первого взгляда, и всё прошло гладко: хотя на предварительное изучение участка и размышления ушло много времени, неожиданно не возникло никаких конкурентов, мы не нашли другого участка, который понравился бы нам больше, и никаких осложнений не случилось – мы подписали контракт без проблем.

– Нам суждено было купить этот участок, – сказали мы с мужем.

Мы оба рационалисты, но странно, что мы сошлись на таком выводе.

Действительно ли существует некое необъяснимое «нечто», которое связывает явления? Или же у человека есть врождённое религиозное чувство, которое в итоге позволяет ему увидеть то, чего нет? Я всё ещё размышлял над этим, когда госпожа Кубо снова позвонила.

Её голос был очень встревоженным.

– В квартире 203 теперь никто не живёт.

Когда госпожа Кубо выходила на работу, она заметила, что из дверной щели соседней квартиры 203 торчит документ от энергетической компании – заявление на подключение электричества. То есть жилец съехал и больше не пользуется электричеством, поэтому она в панике позвонила мне.

В соседней квартире 203 этой весной сменился жилец, и госпожа Кубо не знала, кто это. Тот жилец заходил поздороваться, но её не было дома, поэтому он повесил на дверную ручку бумажный пакет с печеньем и запиской – она никогда не видела его и не знала, какая у него семья. А затем он съехал, так ни разу и не встретившись с ней, даже не запомнив его лица.

Срок проживания на этот раз составил тоже шесть месяцев.

– Извините, что звоню так внезапно. Я просто очень удивилась. Сейчас мне нужно на работу, я перезвоню, когда вернусь.

Госпожа Кубо повесила трубку. Вечером она позвонила снова.

После работы госпожа Кубо зашла к госпоже Хэмми из квартиры 403. По словам госпожи Хэмми, сосед съехал, когда госпожа Кубо была на работе. Госпожа Хэмми тоже видела грузовик переездной компании перед домом. Однако она видела только грузовик, а людей, выходящих из квартиры, – нет, поэтому она не знала, кто именно переезжает. Позже госпожа Хэмми узнала, что съехали из квартиры 203, по той же причине, что и госпожа Кубо, – увидела уведомление от энергокомпании, когда забирала газету.

– Мне тоже стало немного не по себе, – сказала госпожа Хэмми. – Раньше я не обращала внимания, но если так будет продолжаться, это немного...

Сама госпожа Хэмми пока не замечала ничего необычного, и госпожа Кубо не рассказывала ей о своей квартире и о господине Кадзикаве, но они много раз говорили о «квартирах, где долго не живут». Госпожа Хэмми, по-видимому, стала сильно об этом переживать. В тот же день она говорила на эту тему с госпожой Сайдзё, и госпожа Кубо тоже.

– Может, мне всё-таки стоит переехать?

Когда госпожа Кубо сказала это, я ответил: – Возможно, так и будет лучше.

Я не знаю, существуют ли на самом деле «недобрые комнаты», но если всё время беспокоиться: «А вдруг там что-то есть?» – жить спокойно невозможно, и это вредно для психического здоровья.

Однако у госпожи Кубо были причины не переезжать сразу. Она прожила здесь меньше года, и переезд был бы не только финансово обременителен, но и психологически неприятен.

– Я попробую узнать о доме побольше. Если окажется, что там действительно что-то странное, я серьёзно подумаю о переезде.

Госпожа Кубо решила повременить с решением. Однако у расследования были свои пределы: найти предыдущих жильцов и выяснить правду оказалось сложнее, чем она предполагала.

– Если бы обратиться в детективное агентство, возможно, результаты были бы другими. Скорее, она просто не хотела заходить так далеко.

– И, возможно, странной является не эта комната, а весь дом, просто странные вещи случаются именно в моей квартире и соседней.

Я думаю, это вполне вероятно.

Жильцы из квартир 204 и 401 в одном доме написали мне об одном и том же странном явлении. Кроме того, хотя подробности неизвестны, жильцы в квартире 203 не задерживаются; в квартире 401 тоже говорили, что «там долго не живут», но нынешний жилец живёт без проблем; а предыдущий жилец квартиры 204, господин Кадзикава, покончил с собой.

Самоубийство господина Кадзикавы, возможно, было случайностью, но я считал, что это маловероятно, – мне самому не хотелось считать это случайностью. Сон хозяйки Ито хорошо отражает характер господина Кадзикавы. Он так переживал, чтобы не доставить хлопот после своей смерти, что пришёл извиниться, – я не хотел отказываться от этой личной, эмоциональной догадки. Если можно передать извинения сверхъестественным способом, то и то, что господин Кадзикава встал на путь самоубийства, вряд ли было случайностью.

Я не хотел объяснять всё лёгким словом «случайность».

Если рассматривать всю цепочку событий, приведших к самоубийству господина Кадзикавы, с эмоциональной точки зрения, я невольно приходил к выводу, что в квартире 204 всё-таки что-то есть. Однако жилец до господина Кадзикавы прожил там довольно долго, поэтому я думал, что либо там не происходило ничего странного, либо, если и происходило, то это было незначительным, не привлекающим внимания. Мне казалось, что проблема не в какой-то конкретной комнате, а в том, что в самом доме существует некая «аномалия» неизвестной природы, которая в зависимости от времени и места случайным образом появляется и исчезает в той или иной комнате.

Когда я сказал это, госпожа Кубо согласилась.

– Но в этом доме не было самоубийств. Если там действительно что-то есть, то, наверное, оно было там ещё до постройки дома?

Действительно, следует рассмотреть и это.

Что было на этом месте до того, как построили дом Окатани?

– И, что ещё важнее, что происходило на этом месте до того, как появился этот дом?

Глава третья. Прошлый век

До постройки дома

По старым картам жилых кварталов можно быстро узнать, что находилось на месте дома Окатани до его постройки.

Согласно жилой карте 1991 года, на месте дома раньше была парковка. Год постройки у них совпадал, и участок парковки полностью соответствовал участку дома Окатани, поэтому можно с уверенностью сказать, что парковка превратилась в дом. Иными словами, парковка стала жилым домом.

Если проследить дальше в прошлое, то на карте 1989 года участок почти пуст. На нём нет ни обозначений зданий, ни фамилий владельцев – значит, это был пустырь. Однако на угловом участке стоит значок дома с пометкой «Коидзуми». Это был дом семьи Коидзуми.

На карте 1987 года видны ещё три дома, помимо дома Коидзуми.

Два из них – семьи «Нэмото» и «Фудзивара», а у третьего дома есть только значок, без фамилии владельца. Видимо, это был либо пустующий дом, либо тот, где не повесили табличку с фамилией.

Более старых жилых карт найти не удалось, но можно проследить, что в период с 1987 по 1989 год три дома один за другим исчезли, оставив лишь дом Коидзуми на углу, а остальная территория превратилась в пустырь. Позже этот пустырь стал парковкой, а затем – домом Окатани.

Говоря о периоде после 1987 года, стоит отметить, что это было время пика экономического «пузыря».

После подписания Плаза-соглашения в 1985 году японская иена значительно укрепилась. Опасаясь, что укрепление иены приведёт к экономическому спаду, Банк Японии значительно снизил учётные ставки, что привело к тому, что рост цен на землю превысил проценты по кредитам, и вскоре инвестиции в недвижимость стали чрезмерными. Затем районы с высоким ростом цен на землю скупались один за другим, на них возводились многоквартирные дома, которые также становились объектами спекуляций.

Я проверил динамику цен на землю в районе дома Окатани: в то время цены там резко выросли, вероятно, из-за масштабной скупки земель. Фактически, при внимательном изучении старых жилых карт можно заметить, что в районе дома Окатани, вдоль ближайшей железнодорожной станции, один за другим появлялись пустые участки, что отражает процесс превращения этих пустырей в жилые дома и коммерческие объекты. Особенно впечатляющей была реконструкция территории вдоль главной дороги у станции.

Однако скупка земли в районе дома Окатани шла не очень гладко.

Дом Коидзуми, стоявший на угловом участке, так и остался на месте, что значительно снизило ценность всей территории. Более того, территория вокруг дома Окатани выглядела так, будто её «изъели» – нет, скорее, она напоминала поле, на котором осталось лишь несколько уцелевших домов. По этим пустующим участкам можно было догадаться, что застройщик пытался обеспечить доступ к территории от главной дороги до дома Окатани, но не преуспел в этом. Они пытались с 1989 по 1990 год, оставив только дом Коидзуми, а затем пузырь на рынке недвижимости внезапно лопнул.

Почти все пустующие участки, как и территория будущего дома Окатани, временно использовались как парковки. Однако в этом районе было много частных домов с просторными участками, и вряд ли у жителей была такая большая потребность в парковках. Вероятно, из-за

обвала «пузыря» строительные планы были заморожены, и участки временно использовались под парковки; участок дома Окатани также был парковкой около двух лет.

В то время в период «пузыря» по всей стране орудовали недобросовестные скупщики земли, так называемые «дзидзёя»; возможно, из-за этого что-то и произошло. Однако после проверки микрофильмов газет я так и не нашёл сообщений о таких происшествиях, как самоубийства.

Что же на самом деле произошло?

– Или же ничего не произошло?

Теперь оставалось только спросить у местных жителей, и не просто спросить, а активно опрашивать людей.

Госпожа Кубо охотно взялась за эту работу.

– Я делаю это для себя. Если после расследования выяснится, что ничего не было, я приму это как свою мнительность; если же что-то было, я смогу принять решение съехать из этого нехорошего места.

К счастью, она знала группу мам, живущих в этом доме и в соседних районах. Эти мамы поддерживали связь с местными женскими кругами; кроме того, те, у кого есть собственные дома, входят в местные ассоциации самоуправления, и я надеялся, что они помогут госпоже Кубо наладить контакт с местными жителями.

В таких случаях детектив по паранормальным явлениям Коикэ Такэхико обычно объяснял, что «исследует историю этой земли». Госпожа Кубо последовала его мудрому примеру – к тому же, должен признаться, её статус внештатного редактора очень помог, а имена всех персонажей были изменены.

По словам местных жителей, в этом районе не было никаких преступлений или происшествий.

Первыми, кого опросила госпожа Кубо, были свёкор и свекровь госпожи Масико – господин Масико Сигэру, госпожа Масико Канаэ, а также муж госпожи Масико, господин Дзюндзи.

Господину Масико Сигэру на момент опроса было шестьдесят два года, и он переехал в этот район, когда ему было тридцать.

Господин Сигэру сказал:

– Я переехал сюда в 1970 году – в год Всемирной выставки (Экспо-70).

Он вышел на пенсию в прошлом году, до этого работал в крупной строительной компании. Когда он переехал, Япония переживала период высокого экономического роста, и экономика была в хорошем состоянии до самой его зрелости.

– Поэтому я смог в тридцать лет купить собственный дом, но был очень занят, всю работу по дому оставил жене, а сам полностью посвятил себя работе.

Поэтому он мало знал о соседях. В то время существовала система продления срока найма на год, и он вышел на пенсию в шестьдесят один год, но какое-то время не мог привыкнуть к жизни дома. Он почти не знал соседей, и поблизости не было мест, которые он часто посещал, – словом, ему некуда было пойти.

– Сейчас я наконец привык к такой жизни. Хотя мне всё ещё некуда пойти, но игра с внуком как-то заполняет время.

Когда господин Сигэру вышел на пенсию, госпожа Канаэ начала работать неполный рабочий день.

– Я вышла замуж сразу после школы, по договорённости, и всю жизнь сидела дома, не имея опыта работы вне дома. Я хотела накопить хоть какой-то социальный опыт, к тому же всё время видеть мужа перед глазами – это утомительно, он ведь раньше почти всегда отсутствовал, – рассмеялась госпожа Канаэ.

Госпожа Канаэ готовила завтрак и ужин, а обедом занималась невестка Миё; уборкой и стиркой они тоже делились. В это время присматривать за четырёхлетним сыном Миё, Хаято, оставался господин Сигэру.

– Я плохо знаю этот район, лучше спросите мою жену.

Когда господин Сигэру сказал это, госпожа Канаэ добавила:

– Я тоже не очень хорошо знаю, потому что мы не очень общались с людьми здесь.

Семья Масико переехала сюда в 1970 году, когда район ещё только застраивался. Вблизи главной дороги появились отдельные новые дома, а между ними ещё оставались поля и крестьянские усадьбы.

– У коренных жителей, которые жили здесь давно, были свои связи, а мы, новосёлы, с ними почти не общались. Мы вступили в квартальный комитет, но долгое время заправляли там те, кто жил здесь изначально, а мы только молча слушали их.

Между коренными жителями и новыми поселенцами существовал разрыв.

Квартальный комитет фактически находился под контролем старожил, и новосёлов, даже если они вступали, воспринимали как «гостей». Особенно в вопросах, касающихся местных обрядов и обычаев, у новосёлов было много пробелов, и они не могли высказывать своё мнение на равных. Зато новосёлы могли не брать на себя хлопотные обязанности старост, и старожилы не вмешивались в их дела.

– Со временем это стало меняться, но наша семья не очень активно участвовала в деятельности квартального комитета... Мы действительно знали только ближайших соседей, и то очень поверхностно. Обычно, если дети учатся в местной школе, то родители одноклассников создают какие-то связи. Но наши старшие были очень способными и учились в частных школах. Дзюндзи, младший, не был так хорош в учёбе, ходил в местную государственную среднюю школу, и нам было как-то неловко перед другими родителями.

– В итоге мы так и не общались с родителями других детей, – засмеялась госпожа Канаэ.

Сейчас Дзюндзи двадцать шесть лет, а его жене Миё – двадцать два. Раньше Дзюндзи был упрямым и неуживчивым, но после женитьбы и рождения сына Хаято он стал покладистым и хорошим отцом.

– Но наш старший сын и дочь до сих пор не женаты. Старший живёт за границей, дочь – далеко, оба работают, и вряд ли будут жить с нами. В итоге я считаю, что Дзюндзи оказался самым толковым, раз женился на женщине, которая согласилась жить со стариками.

После окончания средней школы Дзюндзи устроился в местную транспортную компанию. В двадцать два года он женился на Миё, которая была на четыре года моложе, и у них сразу родился Хаято. У Дзюндзи тоже не было связей с соседями.

– Хотя я не могу сказать, что у меня совсем нет друзей, но среди соседей друзей нет. Меня в этом районе недолюбливают, – усмехнулся Дзюндзи. – Зато Миё хорошо ладит с соседями, она совсем не знает стеснения.

Группа молодых мам в районе была с ней дружна, но это были люди, которые переехали сюда, а не коренные жители. Господин Сигэру заметил:

– В детстве было естественно знать, кто живёт по соседству, – но в моём родном городе это был маленький городок, так что, может быть, дело не во времени, а в месте.

Госпожа Канаэ тоже кивнула:

– Думаю, всё же время другое. В молодости я хотя бы минимально поддерживала отношения с соседями, могла поболтать. В общем, я знаю нынешних соседей, но если спросить, кто жил здесь раньше, – не помню.

Госпожа Канаэ примерно знала, кто живёт по соседству, запоминала лица, здоровалась при встрече, иногда перекидывалась парой слов, когда передавала доску объявлений, но не знала, какие они на самом деле люди. Отношения были настолько слабыми, что когда кто-то съезжал, она забывала о них и часто не могла вспомнить, кто жил здесь несколько лет назад.

– В период «пузыря» это особенно усилилось. Десять лет назад состав жильцов в этом районе сильно изменился. Те, кто жил здесь давно, постепенно уезжали, а новые – въезжали. И строились не обычные дома, а многоквартирные здания, и мы, естественно, не общались с ними, так что я действительно ничего не знаю.

Однако они помнили, что до постройки дома Окатани на том месте была парковка.

– Но там почти никто не парковался, это был практически пустырь, – вспоминал Дзюндзи. Кроме того, до того как стать парковкой, это место тоже было пустырём.

В период «пузыря» многие жители старых домов, столкнувшись со скупкой земель, предпочитали переезжать, и на их месте появлялись строительные участки. В конце концов остался только дом Коидзуми на углу.

– Я помню дом Коидзуми, – сказала госпожа Канаэ. – Его невозможно забыть. Услышав это, госпожа Кубо приготовилась услышать о каком-то происшествии, но это было не так.

– На самом деле это был знаменитый «дом-мусорник».

Не говоря уже о дворе, мусор был навален высокими кучами вдоль изгороди и границы с соседним пустырём.

– Когда мы переехали, дом Коидзуми уже стоял здесь. Они жили здесь давно, но, похоже, не были местными. Я не знаю, когда они переехали, но это был старый деревянный дом.

Когда семья Масико переехала, дом Коидзуми ещё не был завален мусором.

Там жили пожилая женщина и её сын средних лет. Позже женщина умерла, сын остался, и мусор начал накапливаться незаметно. Весь дом был в беспорядке; деревья во дворе, погребённые под мусором, засохли; в некоторых местах кучи мусора достигали роста человека; сквозь щели в мусоре можно было разглядеть окна дома, занавешенные грязными шторами и заваленные хламом.

Дом Коидзуми исчез примерно в 1990 году, тогда Дзюндзи был ещё в средней школе.

– Мать того человека умерла, сколько я себя помню. Для меня там жил только дедушка, но я не помню, чтобы когда-либо видел его. У меня есть смутное воспоминание, как старик бродил среди мусора, но я никогда с ним не разговаривал и по-настоящему не видел, поэтому совсем не помню его лица.

– Он был молчаливым и нелюдимым, – сказала госпожа Канаэ.

– Можно сказать, затворник? Он всё время сидел дома, почти не выходил, с соседями не общался. Помню, что он всё время чего-то боялся. Когда я случайно встречала его и здоровалась, он бормотал что-то себе под нос и прятался в доме.

Поэтому никто не знал, кто он на самом деле, но постоянно растущие кучи мусора доставляли соседям большие неудобства.

– Это было ужасно. Летом даже до нашего дома доходил запах, не говоря уже о мухах – слетались вороны и бродячие кошки.

Когда мусор у Коидзуми начал скапливаться, семья Масико вежливо пыталась пожаловаться: «Не могли бы вы убрать мусор?» Но когда мусор достиг определённого уровня, они перестали это делать.

– Потому что... если бы он послушал нас, он бы не начал копить мусор с самого начала. А если слишком настаивать, можно вызвать недовольство, и это тоже было бы проблемой.

– Это было ужасно, – говорили соседи при встрече, но могли только молча мириться с этим необычным домохозяйством. Хотя он выглядел спокойным, никто не мог гарантировать, что, если он станет враждебным, он не изменится до неузнаваемости.

В это время началась недобросовестная скупка земли. Окружающие дома один за другим исчезали, и в конце концов исчез и дом Коидзуми.

– Они переехали? – спросила госпожа Кубо, но госпожа Канаэ отрицательно покачала головой.

– Нет. Господин Коидзуми умер, и никто этого не заметил.

Его тело, по-видимому, нашли в доме.

– Это была неестественная смерть?

– Похоже, да. Говорят, его нашёл кто-то из квартального комитета. Помню, это было летом. Запах был такой сильный, что они пришли жаловаться, но оказалось, что старик уже мёртв, и половина запаха была от этого. Но поскольку обычно там и так воняло, никто не придавал значения. Это же была гора мусора, летом было жарко, все думали, что вонь – это естественно.

Госпожа Кубо спросила о причине смерти, но семья Масико не знала, да и Миё тогда ещё не было в их доме.

– Он умер за неделю или две до этого – в общем, говорят, он был мёртв уже давно, но никто не слышал, чтобы это было убийство или самоубийство. Возможно, умер от болезни.

А что же соседи дома Коидзуми?

– Рядом был дом Мацусака – пожилая пара, они уже жили здесь, когда мы переехали. Помню, у них не было детей. Жена была весёлой, а муж приветливым и спокойным, и из-за этого им было ещё труднее жаловаться господину Коидзуми. Они говорили: «Это ужасно», «Это проблема», но я не слышала, чтобы они особенно протестовали.

Госпожа Канаэ помнила, что господин Мацусака работал в компании, а жена была домохозяйкой, но она не была в этом уверена. Пятнадцать лет назад, когда этот участок стал местом для дома Окатани, семья Мацусака была первой, кто переехал, но она не знала, куда они переехали.

– Я слышала, что они собирались уехать в какую-то деревню, чтобы жить там на покое. Напротив дома Коидзуми был дом Нэмото. Я помню лицо бабушки оттуда, но больше ничего не помню.

О доме Нэмото госпожа Канаэ помнила не очень хорошо, но они переехали сюда после семьи Масико. Похоже, они были на десять-двадцать лет старше супругов Масико, у них были дети, но они почти не общались, поэтому подробностей она не помнила. Дзюндзи помнил примерно так же, по крайней мере, в доме Нэмото не было детей, с которыми он мог бы играть.

– Я слышал, что бабушка уже впала в маразм, а дедушка сам за ней ухаживал. Но, кажется, они жили вместе с сыном.

Напротив дома Нэмото был дом Фудзивара – говорили, что это была старая местная семья.

Когда семья Масико переехала, они помогали им в квартальном комитете, но обычно они не общались. Они были крестьянами, у них были поля немного поодаль. Господин Фудзивара был примерно на двенадцать лет старше господина Сигэру, и госпожа Канаэ помнила, что он был молчаливым и сдержанным человеком.

– Его жена тоже была немногословной. Всеми делами квартального комитета занимался дедушка, а о жене я почти ничего не помню.

Примерно таким было впечатление госпожи Канаэ.

Она помнила лица и имена трёх соседних домов, а также лица тех, кто уже переехал, но больше она ничего не знала; особенно тех, кто переехал в период «пузыря», она совершенно не помнила. Господин Сигэру тем более ничего не знал – он, конечно, помнил дом Коидзуми, но его воспоминания об адресах и семьях других жителей были крайне смутными. Дзюндзи помнил немного лучше, но в целом было то же самое.

За исключением трёх фактов, госпожа Кубо ушла из дома Масико практически ни с чем.

Одним из фактов был дом Коидзуми: это был «дом-мусорник», и его владелец умер неестественной смертью. Другим было то, что, хотя воспоминания были смутными, ни в одной из семей не было самоубийств, или, по крайней мере, не находили тел самоубийц в домах, и ни один дом не становился местом преступления или серьёзного происшествия.

– Если бы было что-то такое, я бы точно запомнила, не могла бы забыть, – с уверенностью сказала госпожа Канаэ.

Но если самоубийство произошло за пределами дома, то она не была так уверена.

За то время, что семья Масико жила в этом районе, в квартале, конечно, были смерти. Хотя она не очень хорошо помнила, госпожа Канаэ припоминала, что в четырёх соседних семьях проводились похороны. В зависимости от степени знакомства она присутствовала на похоронах и даже помогала в организации. Она не припоминала, чтобы слышала о каких-либо самоубийствах; хотя она не могла утверждать, что их не было совсем, но считала, что, скорее всего, их не случилось.

Последним фактом был разрыв в памяти о земле – возможно, это общее явление для городских районов Японии. Два огромных разлома пролегли над памятью об этом участке земли.

Первый разрыв произошёл из-за стремительной и интенсивной застройки в период высокого экономического роста.

Район дома Окатани начал застраиваться именно в этот период, и коренные жители смешались с новыми, но старые жители не имели сильных связей с новоприбывшими, что и привело к разрыву.

Пока этот разрыв существовал, возник и второй – скупка земель в период экономического «пузыря».

И старожилы, и новосёлы были в основном вытеснены оттуда, а на их место постоянно въезжали всё новые жители, что привело к прекращению деятельности квартального комитета, в котором доминировали старожилы; новые жители были в постоянном движении, не вступали в квартальные комитеты и не устанавливали связи с землёй, быстро переезжая в другие места. Те немногие старожилы, что остались, и новосёлы продолжали сменять друг друга.

Такие семьи, как семья Масико, где живут несколько поколений, были редкостью; гораздо чаще встречались семьи, состоящие только из пожилых людей. Когда старики умирали, их дома сносили и строили многоквартирные дома для одиноких или молодых семей. Эти дома привлекали новых временных жильцов, которые не сохраняли никакой памяти о земле, и, можно сказать, что сейчас возникает третий разрыв.

– «Возникает третий разрыв» – уместно ли так говорить? – сказала госпожа Кубо. – Ещё через десять лет память о земле полностью исчезнет.

Сейчас ещё можно кое-как проследить историю, но проблема в том, что даже если связаться со старожилами, которых порекомендовала семья Масико, их воспоминания о земле вряд ли будут сильно отличаться – информация будет отрывочной. Однако, чтобы вызвать прошлое, остаётся только складывать эти разрозненные фрагменты памяти, хотя это и займёт много времени.

– Но меня всё ещё беспокоит господин Коидзуми. Его нашли мёртвым... не может ли быть, что... – сказала госпожа Кубо, но господин Коидзуми был пожилым мужчиной, и его трудно было связать с «нечто похожим на пояс», которое издавало звук трения по татами. К тому же, если то, что увидела госпожа Кубо, было поясом из парчи с золотым узором, а в темноте раскачивалась женщина в праздничном кимоно, то происхождение этого явления, возможно, уходит в ещё более далёкое прошлое.

Мне вдруг пришло в голову: а где же все эти события сходятся?

Нет, может быть, господин Коидзуми и есть тот самый самоубийца, с которого всё началось? Мысль о том, что до него не было ни одного самоубийцы, возможно, тоже является плодом нашего воображения.

– Однако меня волновало другое.

На этой земле, где мы сейчас живём, раньше наверняка тоже кто-то жил. До предыдущих жильцов были ещё более ранние, а до них – ещё более ранние. И в конце концов мы дойдём

до первозданной пустоши, но до того момента, сколько людей жило здесь и какой жизнью они жили?

Много людей жило здесь, а значит, происходило много всего – и хорошего, и плохого, и иногда случалась несчастливая смерть – смерть, оставляющая сожаление.

Если смерть, оставляющая сожаление, влияет на будущее, то насколько далеко в будущее простирается это влияние? Бесконечно? Или ограничено? Если ограничено, то на сколько лет? На несколько десятков лет? Или на несколько сотен?

Если дело не в конкретном «человеке», жившем в «определённой комнате»; если это некая сущность, связанная с участком земли, на котором ещё не было построек, и она влияет не только на тех, кто жил на «этой земле» в то время, но и на нас, живущих сейчас, – существует ли вообще место, где никогда не было проблем?

Я размышлял об этом, и год подошёл к концу.

В феврале следующего года я участвовал в небольшом мероприятии. Наш новый дом должен был быть построен, и мы проводили синтоистскую церемонию освящения земли.

Я не верю в проклятия, гадания и при выборе места для дома не обращал внимания ни на стороны света, ни на фэн-шуй, но мы всё равно провели церемонию освящения. Без неё я бы не чувствовал себя спокойно. Мне казалось это странным, но я всё равно участвовал в ней.

Мне также приходило в голову: сколько людей действительно знают историю земли, на которой они живут? Если ты снимаешь квартиру, само собой разумеется, что до тебя там жили другие люди; кроме того, в комнате могут быть небольшие дефекты, или предыдущий жилец мог оставить после себя граффити. Иными словами, даже если тебе это не нравится, ты осознаёшь существование предыдущего жильца, но никогда не можешь представить его конкретный образ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.